

ФАКТОРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА В СТРАНАХ С ПЕРЕХОДНОЙ ЭКОНОМИКОЙ¹

“The only way to a position in which our science might give positive advice on a large scale to politicians and business men, leads through quantitative work. For as long as we are unable to put our arguments into figures, the voice of our science, although occasionally it may help to dispel gross errors, will never be heard by practical men. They are, by instinct, econometricians all of them, in their distrust of anything not amenable to exact proof.”

Joseph A. Schumpeter: “The Common Sense of Econometric” // Econometrica. 1 (1933). P.12.²

В данной статье исследуются факторы экономического роста в странах с переходной экономикой. Существует четыре группы факторов, влияющих на рост: стартовые условия, макроэкономическая политика, структурные реформы и социальная политика. Главным условием перехода к долгосрочному росту является создание устойчивых институтов рыночной экономики (через проводимые структурные реформы). “Белорусский путь”, ведущий к созданию нерыночных институтов, не способен привести к устойчивому росту, поскольку сопровождается значительными искажениями, разрушающими экономическую систему изнутри.

1. ВВЕДЕНИЕ

Десять лет назад в некоторых странах социалистического лагеря начались экономические реформы. С 1990–1991 гг. этот процесс охватил 25 стран Цен-

¹ *Написание данной статьи в том виде, в котором она здесь представлена, не было бы возможно без некоторых идей, которые возникли во время рабочей встречи, посвященной белорусскому экономическому росту, проведенной в Институте приватизации и менеджмента 26.05.2000 года. Кроме того, мне хотелось бы высказать признательность за помощь в ее написании Пелипасю И.В., Чепикову М.Ю., Данейко П.В., Лаврухиной И.А., а также поблагодарить Центр развития национальной конкурентоспособности при ИПМ и участников проекта “Концепция экономических и институциональных реформ в Беларуси”, так или иначе принимавших участие в обсуждении отдельных положений данной работы.*

² *Цит. по D.F. Hendry “Dynamic Econometrics”: “Единственный способ, благодаря которому наука может давать действительно хорошие советы политикам и бизнесменам, – это применение количественных методов. Пока мы не можем облечь наши аргументы в форму графиков, мнения наших ученых, хотя и могут изредка помочь избежать грубых ошибок, никогда не будут услышаны практиками. Все они (практики) инстинктивно являются эконометристами в их недоверии к чему бы то ни было, не поддающемуся точному доказательству”. Й. Шумпетер “Здравый смысл эконометрики” // Эконометрика. 1 (1933). С. 12. – Перевод автора.*

тральной и Восточной Европы и бывшего СССР. Целью реформ в этих странах стал переход от командной экономики к рынку. Достижение этой цели виделось каждой страной по-разному, поэтому стратегия и тактика реформ значительно отличалась от страны к стране. Сейчас, по прошествии десяти лет переходного периода, уже можно говорить об успехе и неуспехе реформ в тех или иных странах. Некоторые страны перешли к устойчивому экономическому росту, в некоторых начавшийся было рост сменился спадом, некоторые только начали расти. К 1998 году только трем странам удалось достигнуть уровня ВВП предреформенного года.

Поскольку Беларусь далека от лидеров, полезно знать, какие факторы сыграли главную роль в достижении устойчивых и достаточно высоких темпов роста в странах, достигших успеха. Опыт десятилетней трансформации позволяет сказать, что успеха достигли страны, которые заложили основы эффективной рыночной экономики.

Цель данной работы – показать неизбежность реформирования переходной экономики. Структурные реформы – элемент созидания, построения качественно новой экономической системы. Их проведение направлено на создание институтов, существование которых позволяет реализовывать потенциальные возможности, заложенные в экономике. Это самая важная часть экономической политики для стран на этапе трансформации, поскольку от того, насколько эффективными будут созданные институты, будет зависеть дальнейшая судьба экономики: перейдет она к устойчивому росту или вынуждена будет заново искать свой путь развития.

Практически все исследования, посвященные экономическому росту в странах с переходной экономикой, выделяют одинаковый набор факторов, способствовавших росту. Их можно разделить на четыре группы: стартовые условия [initial conditions], макроэкономическая политика, структурная и социальная политика. В каждую из этих групп входят переменные, находящиеся как в прямой, так и в обратной зависимости от роста. В теории роста, как правило, есть объяснение характера связи между этими переменными и выпуском.

Исследования экономического роста в переходных странах преимущественно имеют эмпирический характер, и их выводы, хотя и основаны на соответствующих теоретических положениях, в основном не касаются механизмов, которые привели к выявленной зависимости, а регрессионный анализ, при помощи которого обнаружены факторы роста, не позволяет выявить причинно-следственные связи между переменными модели. Кроме того, для стран с переходной экономикой нет исследований, показывающих влияние социальной политики на экономический рост. Большинство работ оставляет Беларусь в стороне, не объясняя, почему фактические темпы экономического роста значительно отклоняются от рассчитанных по моделям результатов.

Решая задачи, направленные на достижение поставленной цели, можно преодолеть недостатки проведенных ранее исследований.

Анализ факторов роста в странах с переходной экономикой лишний раз подтверждает, что белорусский экономический рост – это не “белорусское чудо”, которое говорит об эффективности избранной модели рентной экономики или “экономики власти”. Путь, по которому пошла республика, ведет экономику к разрушению. Об этом свидетельствует ухудшение основных макроэкономических показателей за годы экономического роста в Беларуси. Кроме того, население страны оценивает экономическую ситуацию как негативную. По результатам опроса общественного мнения, проведенного лабораторией аксиометрических исследований “НОВАК” 2-10 марта 2000 г. 58,6% респондентов оценили экономическую ситуацию в Беларуси как кризисную, 59,2% указали, что их материальное положение ухудшилось, 51,8% – что нынешняя экономическая политика не может привести к улучшению экономической ситуации в стране. Поэтому для нашей республики особенно актуально возобновление процесса реформирования, создания эффективной *рыночной* экономики.

В истории теоретического объяснения экономического роста можно выделить три этапа. Первый связан с моделями Харрода и Домара (30-е гг. – 1956 г.), второй – с неоклассическими моделями (1956–1986 гг.), третий – с эндогенными моделями экономического роста (1986 – настоящее время). Границы каждого этапа весьма условны, так как каждый новый этап начинался благодаря незаслуженно незамеченным ранее открытиям в теории экономики вообще. И на каждом этапе в попытке найти способ любой стране в сколь угодно короткий срок достигнуть желаемых темпов роста делались одни и те же ошибки [7]. В этом отношении модели Харрода и Домара послужили импульсом как для развития теории роста, так и для постоянных ошибок в этом направлении исследований. Ошибки эти сводились к тому, что в качестве средства к достижению высоких темпов роста предлагался экстенсивный путь: заполнение “инвестиционного разрыва” – Харрода и Домара, экстенсивное накопление факторов производства – неоклассиков и надежда на стимулирующий эффект от предоставления иностранной помощи – некоторых современных экономистов. Вывод, который можно сделать из этих ошибок, состоит в том, что главный фактор экономического роста – стимулы для экономических субъектов, причем не только положительные, но и отрицательные [20], лежащие в основе модели конкуренции. Это вывод характерен для направления, исследующего факторы *интенсивного* роста. В его основе лежит концепция “созидательного разрушения”, выдвинутая еще в 30-х гг. Й. Шумпетером и разработанная в 1992 г. Эгионом и Хоуитом [18]. (Под “созидатель-

тельным разрушением” он понимал конкурентный процесс постоянного поиска предпринимателями новых идей и источников ренты, которые помогут им сделать устаревшими идеи их конкурентов [9].)

Процесс трансформации экономики можно описать при помощи концепции “созидательного разрушения”. В период трансформационной рецессии происходит разрушение старой системы и закладываются основа новой, в период восстановления экономические субъекты адаптируются к возникающей системе, а на стадии роста новая система совершенствуется. Разрушение старой системы должно быть “созидательным” в том смысле, что если не произойдет качественных изменений на этапе восстановления объема национального выпуска и адаптации экономических субъектов, может произойти возврат к видоизмененной старой системе. Однако любая переходная экономика, вернувшаяся к старой системе, обречена на возврат к процессу трансформации, поскольку в старой системе уже содержится элемент саморазрушения.

Исследования трансформации проводились по нескольким направлениям: изучение трансформационной рецессии, восстановления [recovery] и роста. Основные положения первого направления получили развитие в работах Я. Корнаи (1994), Фишера и Гелба (1991), О. Бланшара и М. Кремера (1997). Корнаи выделил два вида необходимых изменений, которые должны произойти за период трансформационной рецессии: переход от рынка продавца к рынку покупателя (посредством либерализации цен) и установление жестких бюджетных ограничений (посредством приватизации и устранения различных механизмов государственной поддержки, таких, как прямые бюджетные субсидии, льготные кредиты и налоговые льготы). Эти изменения должны приводить к появлению первичных стимулов к максимизации прибыли для всех экономических агентов.

Бланшар и Кремер (1997) при объяснении процесса трансформационной рецессии сделали акцент на дезорганизации, вызванной разрушением командной экономики [4;19]. Дезорганизация вызывает два вида изменений: перераспределение ресурсов от старых видов деятельности к новым (через закрытие и банкротство неконкурентоспособных фирм и одновременное появление новых – непроданные товары служат сигналом к сокращению производства) и реструктуризация “выживших” фирм [13].

Второе и третье направления получили развитие в работах Фишера и др. (1995–2000), О. Гаврилина и др. (1998, 1999), а также в исследованиях, проведенных международными организациями (МВФ, ЕБРР, Мировым банком и другими). Работы этого направления различны по методологии, однако дают похожие результаты. В них выделяются три блока объясняющих рост переменных: стартовые условия, макроэкономическая политика и структурная политика. На основе работ по политэкономии роста, можно выделить четвер-

тый блок – социальная политика.

Далее в статье будет проанализировано влияние переменных каждого из этих блоков на экономический рост и рассмотрены механизмы этого влияния.

2. ФАКТОРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА: РЕЗУЛЬТАТЫ РЕГРЕССИОННОГО АНАЛИЗА

Для проведения регрессионного анализа использовались данные с 1989 по 1999 гг. по 25 странам Центральной и Восточной Европы и бывшего СССР.³ Использовались следующие показатели:

Показатель	Источник данных
Темпы прироста ВВП (%)	ЕБРР [18]
Темпы инфляции (%)	ЕБРР [18]
Коэффициент Джини, изменение за период с 1988–89 по 1993–95 гг.	Б. Миланович [14], Деинингер и др. [6], Income Distribution Statistics in Transition Countries [15]
Выпуск (ВВП)	Фишер и Сахай [10]
Время проведения стабилизации	Фишер и Сахай [10]
Стартовые условия	Фишер и Сахай [10]
Структурные показатели	Фишер и Сахай [10]

Относительно используемых данных нужно сделать важное замечание. Это касается, прежде всего, данных по выпуску, которые имеют недостатки как на “концептуальном” уровне, так и на уровне измерения [13]. Во-первых, цены до начала трансформации (административные) не сравнимы с новыми (более близкими к рыночным) ценами. На уровне измерения данные пострадали из-за того, что на этапе становления системы учета собирались данные в основном от госпредприятий, в результате чего терялась значительная часть данных по развивающемуся частному сектору. Кроме того, как частные, так и государственные предприятия имели склонность занижать отчетные данные, чтобы избежать налогообложения и иного регулирования. Отдельная проблема – существование теневой экономики, оценка ее доли в ВВП.

Важно помнить ограничения любого эконометрического исследования. Рост – это сложный процесс, и теория не дает возможности исключительно “корректно” специфицировать регрессионную модель. Регрессионный анализ не дает объяснений роста, хорошо иллюстрирует его природу, предостав-

³ Сюда относятся: Азербайджан, Албания, Армения, Беларусь, Болгария, Венгрия, Грузия, Казахстан, Кыргызстан, Латвия, Литва, Македония, Молдова, Польша, Россия, Румыния, Словакия, Словения, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Украина, Хорватия, Чехия, Эстония.

ля “стилизированные факты” [13]. Поэтому связь между зависимой и объясняющими переменными будет проверена с использованием парных регрессий, т.е. данная работа не ставит целью предсказать рост, а лишь показать, какие факторы на него повлияли.

Стартовые условия.

В показатели стартовых условий были включены следующие:

1. *ВВП на душу населения в предреформенный год, по ППС*. Уравнение регрессии имеет вид

$$\text{OUTP_TR} = 50.2909 + 0.0049 * \text{GDP_PPP},$$

(5,76) (2,94)

$R^2_{\text{adj}} = 0,25$, $DW = 2,05$ (24 страны), где OUTP_TR – ВВП в 1998 г. в % к 1989 (1990) г., GDP_PPP – ВВП по паритету покупательной способности в 1989 (1990) г. Видно, что в странах, где ВВП на душу был выше, выпуск вырос больше (коэффициенты значимы на 1%-м уровне). Однако это вызвано не тем, что ВВП в странах с большим доходом рос быстрее, а тем, что он меньше падал. Гипотеза о конвергенции стран с низким и высоким доходом, справедливая для долгосрочного периода, не может считаться ни доказанной, ни отвергнутой. Тот факт, что в странах с большим доходом спад был меньше, может объясняться тем, что в некоторых из них произошел откат к административной экономике (ВВП Беларуси предсказывается этим уравнением очень точно), а в некоторых большой доход мог быть следствием относительно “рыночного” наследия, которое позволило провести достаточно эффективные реформы.

2. *Охваченность населения средним образованием*.⁴ Связь между выпуском и уровнем охваченности населения средним образованием незначима. Это может быть вызвано несколькими причинами. Во-первых, образование (человеческий капитал) – источник долгосрочного роста (недостаточная длина периода роста). Во-вторых, в странах с низким уровнем образованности населения его повышение может привести к большему росту вследствие большего предельного продукта человеческого капитала. В-третьих, различия между рассматриваемыми странами в уровне образованности невелики.

3. *Последствия проведения военных действий*. Для оценки влияния войн на экономический рост была создана фиктивная переменная, принимающая значение, равное единице, если война была, и равное нулю, если ее не было [14]. Результаты представлены в следующем уравнении:

⁴ Уравнение, которое описывает зависимость между выпуском и уровнем образования, выглядит так:

$$\text{OUTP_TR} = 71.6976 + 0.0351 * \text{SEC_ENR},$$

(1,729) (0,075)

$$R^2_{\text{adj}} = -0,05, \text{ DW} = 2,26 \text{ (23 страны)}$$

где SEC_ENR – уровень охваченности населения средним образованием.

$$\text{OUTP_TR} = 78.4210 - 23.7544 * \text{DUM_WAR},$$

$$(17,02) \quad (-2,53)$$

$R^2_{\text{adj}} = 0,18$, $DW = 1,55$ (25 стран), где DUM_WAR – упомянутая фиктивная переменная. Видна значимая (на 5% уровне) обратная взаимосвязь между переменными – в странах, на территории которых велись военные действия, экономика была разрушена не только “созидательно” (трансформационной рецессией), но и деструктивно – войнами.

Другие переменные этой группы, по которым были доступны данные, либо не показали значимой связи с ростом (обеспеченность природными ресурсами), либо влияют на рост через другие переменные (доля сельского хозяйства в ВВП, количество лет при социализме). Эти переменные влияют на темпы проведения реформ. Единственная переменная из группы стартовых условий, которая влияет на рост непосредственно, – это фиктивная переменная, характеризующая проведение военных действий.

Макроэкономическая политика.

Теория дает объяснение как негативному, так и позитивному влиянию инфляции на экономический рост, причем и та, и другая зависимости находят эмпирическое подтверждение. В случае переходных экономик следует ожидать негативного влияния инфляции на темпы роста, так как ее значения были достаточно высоки для большей части рассматриваемого периода.

$$\text{OUTP_TR} = 96.2802 - 0.0939 * \text{ACPI_96}, \text{ где}$$

$$(15.77) \quad (-4.58)$$

$R^2_{\text{adj}} = 0,45$, $DW = 2,52$ (25 стран)
где ACPI_96 – средняя геометрическая темпов инфляции за период с 1989 по 1996 г., в %.

Остановимся на механизмах, связывающих инфляцию и рост. Наиболее важным можно считать то, что инфляция искажает относительные цены, в результате чего структура инвестиций перестает быть эффективной [21]. Цены перестают выполнять функцию рыночных сигналов. Кроме того, высокая инфляция приводит к перераспределению дохода, в том числе и росту неравенства. Далее начинают работать механизмы негативного влияния неравенства распределения дохода на экономический рост.

Высокая инфляция означает также низкие (или отрицательные) процентные ставки, что приводит к исчезновению сбережений как одного из источников экономического роста. В условиях инфляции низкие процентные ставки не могут стимулировать инвестиции вследствие низкой или отрицательной, более того, не поддающейся точному прогнозированию реальной отдачи.

Кроме негативного влияния инфляции на рост, можно говорить о позитивном влиянии *дезинфляции*, или проведения политики стабилизации. Во-первых, выделяют, как правило, некое пороговое значение темпов инфляции (от 9 до 50%), превышение которого приводит к сокращению выпуска

[6;14;15]. Во-вторых, простое снижение инфляции с очень больших значений ниже определенного значения, скажем, 100%, само по себе может стимулировать рост [13]. Политика стабилизации позволяет устранить негативные последствия высокой инфляции, устранив саму инфляцию (этот вывод подтверждается результатами регрессионного анализа⁵). Кроме того, она создает предпосылки для установления жестких бюджетных ограничений как одного из необходимых условий перехода к устойчивому росту (то, что страны, которые провели стабилизацию раньше, достигли больших темпов роста / меньшего спада, также было подтверждено эмпирически⁶).

Для проверки устойчивости связи между инфляцией и ростом был построен ряд уравнений, в которых объясняющей переменной был натуральный логарифм инфляции, а зависимой – темпы роста ВВП в тот же год. Результаты представлены графически (рис. 1):

Статистики:

1993 год: $R^2_{adj} = 0,41$, $DW = 1,26$

1996 год: $R^2_{adj} = 0,34$, $DW = 2,10$

1994 год: $R^2_{adj} = 0,29$, $DW = 2,08$

1997 год: $R^2_{adj} = 0,09$, $DW = 1,90$

1995 год: $R^2_{adj} = 0,57$, $DW = 1,99$

1998 год: $R^2_{adj} = -0,002$, $DW = 1,75$;

(1993 – 95, 1997 годы – 25 стран, 1996 год – 24 страны, 1998 год – 22 страны).

Как и ожидалось, влияние устойчиво – наклон линии регрессии практически не меняется с 1993 по 1997 гг. В 1998 г. наклон изменился. Возможным объяснением уменьшения угла наклона линии регрессии может служить утверждение, которое приводится в работах (как теоретических, так и эмпирических) некоторых исследователей – небольшие значения инфляции могут стимулировать рост [3]. Однако снижение угла наклона линии регрессии произошло скорее из-за тех стран, которым удалось достигнуть высоких темпов роста при высокой инфляции. (Беларусь начала отклоняться от линии регрессии с 1996 года.) Для большинства стран тенденция негативного влияния инфляции на рост сохранилась (наклон линии регрессии будет иным, если с последнего графика убрать Беларусь и некоторые другие страны), а значит Беларуси еще предстоит снижение темпов роста под влиянием искажений, вызванных высокой инфляцией.

⁵ В качестве зависимой переменной были взяты темпы инфляции в 1995 г., в качестве объясняющих переменных – фиктивные переменные за 1990–1993 гг., где значение “1” ставилось в год проведения стабилизации. Страны, которые провели стабилизацию в эти годы, к 1995 г. достигли значительного снижения темпов инфляции.

⁶ Зависимые переменные – экономический рост за 1989–1994 и за 1995–1998 гг., объясняющая переменная – фиктивная (чем позже была проведена стабилизация, тем большая оценка этой стране – от –2 в 1990 г. до 3,5 в 1995). Получена значимая обратная зависимость, т.е. чем позже проводилась стабилизация, тем глубже был спад 1989–1994 и выше рост 1995–1998 гг.

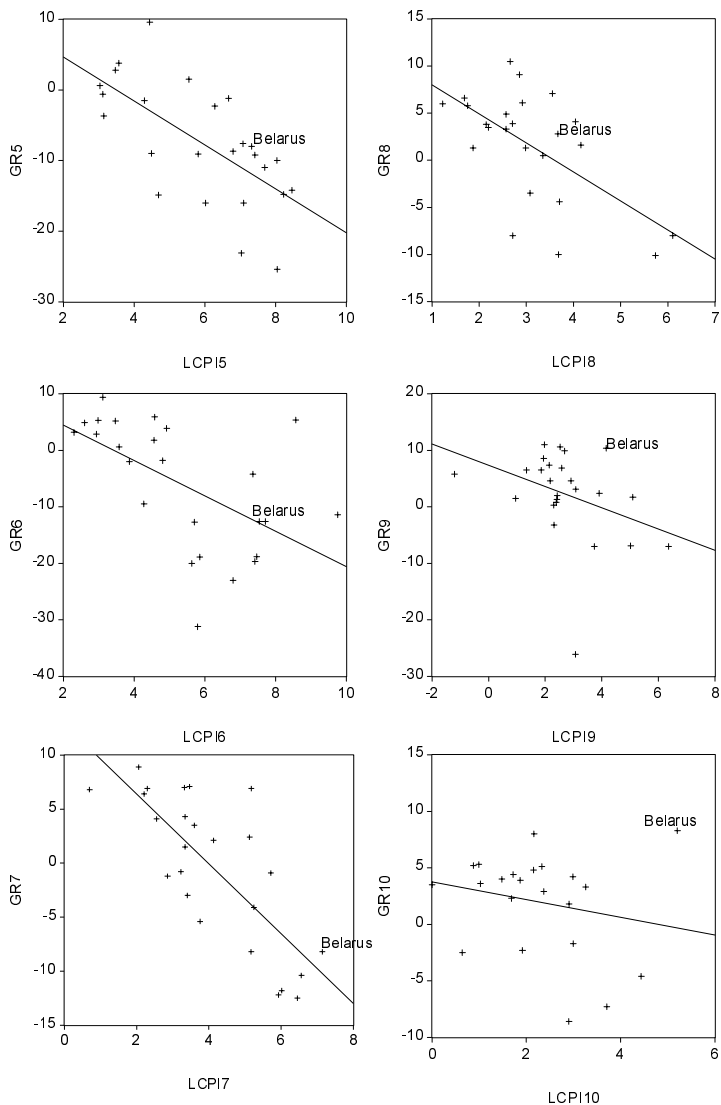

Рис. 1. Взаимосвязь между инфляцией и экономическим ростом

Примечание: GR5 – GR10 – темпы прироста ВВП в 1993–1998 г.⁷, LCPi5 – LCPi10 – натуральные логарифмы темпов инфляции в эти же годы.

⁷ За 1992 г. уравнение также показывает значимую обратную зависимость между инфляцией и ростом, однако есть основания полагать, что высокие значения инфляции и спада в этот год были просто следствием трансформационной рецессии.

Структурные реформы – элемент созидания, построения качественно новой экономической системы. Их проведение, направленное на создание эффективных институтов, позволяет реализовывать возможности, заложенные в экономике [16]. Это – самая важная часть экономической политики на этапе восстановления, поскольку от того, насколько эффективны новые институты, будет зависеть дальнейшая судьба экономики: перейдет она к устойчивому росту или вынуждена будет заново искать свой путь развития. Использование индексов либерализации не дает ответа на вопрос об эффективности созданных институтов (проведенных структурных реформ). Высокие значения этих индексов говорят о том, что *эксперты* оценивают созданные институты как близкие к рыночным. Однако нет оценок *устойчивости* этих институтов, которые говорили бы о том, что институты не только близки к рыночным, но и принимаются экономическими субъектами. Таким образом, индекс либерализации может ответить на вопрос, *сколько* – больше или меньше – реформ проводилось в той или иной стране, но не на вопрос *достигли ли эти реформы своей цели* – создания устойчивых эффективных институтов. Это ограничивает его использование как показателя эффективности структурной политики. Можно предположить, что странам, у которых показатели выпуска, рассчитанные по моделям, окажутся ниже, чем действительные, удалось создать институты, которые показали устойчивость в рассмотренном временном интервале.

Тестирование влияния структурных преобразований на экономический рост было проведено по следующей схеме. Вначале проверялось влияние структурных реформ на рост на разных стадиях трансформации – в 1989–1994 и 1995–1998 гг. На этом же этапе были проанализированы важность комплексности реформ и эффективность их отдельных компонентов. Затем, для проверки устойчивости полученных результатов были построены уравнения, показывающие влияние доли частного сектора на рост для годовых данных (с 1992 по 1996 гг.).

1. *Влияние структурных реформ на экономический рост на разных стадиях трансформации.* Оно выражено двумя уравнениями:

$$GR_CUM_94 = -49.2711 + 12.305 * CLI_1,$$

$$I \quad \quad \quad (-8,62) \quad (2,96)$$

$$R^2_{adj} = 0,25, DW = 2,03 (25 \text{ стран}),$$

где GR_CUM_95 – кумулятивный рост выпуска за 1989 – 1994 годы, CLI_1 – кумулятивный индекс либерализации за этот же период. Второе уравнение такое:

$$GR_CUM_98 = -15.5607 + 5.8652 * CLI_2,$$

$$II \quad \quad \quad (-2,00) \quad (3,11)$$

$$R^2_{adj} = 0,27, DW = 1,69 (25 \text{ стран}),$$

где те же переменные взяты за период с 1995 по 1998 гг. Очевидно, что на

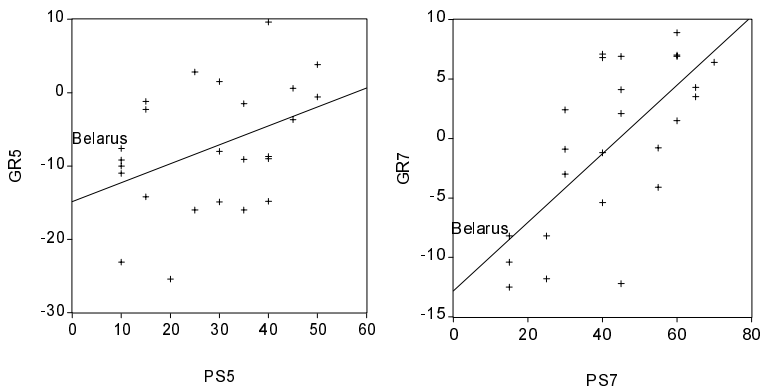
обоих этапах трансформации структурная политика является значимым фактором экономического роста.

Модель, построенная для всего периода трансформации (с 1989 по 1998 г.), не позволяет полностью предсказать показатели выпуска для четырех стран: Албании, Беларуси, Польши и Узбекистана. Можно предположить, что в этих странах прошел процесс адаптации экономических субъектов к созданным институтам. Вопрос только в том, какие именно институты были созданы в этих странах. О создании рыночных институтов можно говорить только в случае Польши. В Беларуси, Албании и Узбекистане произошел откат к институтам командной экономики, и экономические субъекты к ним приспособились, поскольку сначала это казалось выгодным. Однако такие институты приводят к накоплению искажений в экономике, в результате чего издержки, которые несут экономические субъекты, к ним адаптировавшиеся, становятся больше чем выгоды от приспособления к ним, что в итоге должно привести к краху подобной системы и возобновлению структурных реформ.

2. *Влияние на рост различных компонентов индекса либерализации.* Кроме представленных уравнений, было проверено влияние каждого из компонентов индекса либерализации ЕБРР на рост. Взятые в отдельности, они также показывают положительную связь с ростом, но эта связь слабее, чем для интегрированного индекса. Единственным фактором, влияние которого на рост было более значимо, чем индекса в целом, оказался индекс внешней либерализации за период с 1989 по 1994 годы. Высокую значимость этого фактора на ранних стадиях трансформации можно объяснить тем, что создание открытой экономики дает выход на внешние рынки, в то время, как на внутренних еще происходит снижение спроса.

3. *Доля частного сектора в ВВП: годовые данные.*

Результаты анализа представлены графически (рис. 2).

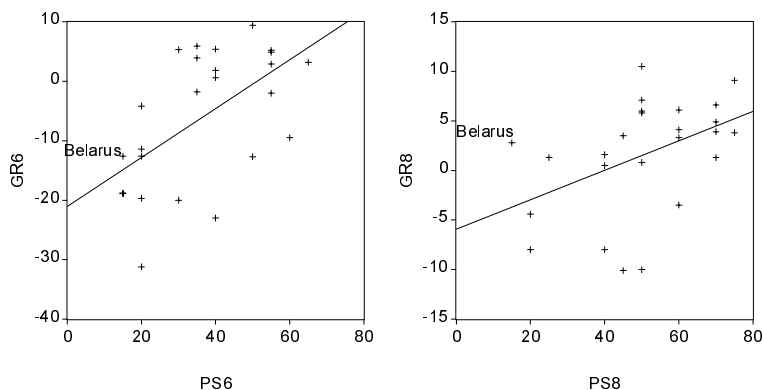

Рис. 2. Экономический рост и доля частного сектора в ВВП

Примечание: GR4 – GR8 – темпы прироста ВВП за 1992–1996 гг., PS4 – PS8 – доля частного сектора в ВВП в эти же годы.

Статистики:

1993 год: $R^2 = 0,14$, $DW = 1,63$

1995 год: $R^2_{adj} = 0,46$, $DW = 2,23$

1994 год: $R^2_{adj} = 0,30$, $DW = 2,37$

1996 год: $R^2_{adj} = 0,16$, $DW = 2,25$;

(25 стран во все годы).

Заметим, что наклон линии регрессии примерно одинаков для второго и третьего графиков, и, если не включать значительно отклоняющиеся показатели, примерно одинаков для всех графиков. Видно, что доля частного сектора, положительно влияющая на рост, постоянно растет. Страны, в которых расширение частного сектора прекратилось на низких значениях, по модели, не могут достигнуть высоких темпов роста. Однако в 1992 и 1996 гг. мы видим значительные отклонения от линии регрессии, которые могут говорить о пути, по которому пошла страна.

В 1992 г. в тех странах, которые не проводили реформ, выпуск упал не так значительно, как в тех, которые проводили умеренные реформы. С другой стороны, страны, проводившие активные реформы, также получили относительно небольшое снижение выпуска. Хотя такой результат совсем не нов [13], однако он позволяет говорить о том, что первая группа стран фактически “отложила” реформы. Ответ на вопрос, проявятся ли по мере перехода к реформированию некоторые негативные моменты, связанные с трансформационной рецессией, не совсем очевиден – если эти реформы приведут к созданию устойчивых рыночных институтов, то наверняка серьезного спада не последует, поскольку эти институты будут элементом, организующим деятельность экономических субъектов.

Начиная с 1996 г., некоторые страны с незначительной долей частного сектора достигли достаточно высоких темпов роста (сюда относится и Беларусь). Это произошло благодаря возврату к институтам административной экономики. Такой путь уже прошли Албания, Болгария и Румыния, – в них рост

сменился спадом. И если в Беларуси частный сектор не будет развиваться, то и ей придется пережить период спада.

Социальная политика.

Для анализа взаимосвязи между ростом и социальной политикой можно использовать два подхода. Первый состоит в использовании в качестве объясняющей переменной коэффициента Джини, второй – в построении фиктивной переменной, которая характеризовала бы качество проводимой социальной политики. Первый должен выявить связь между ростом неравенства распределения дохода, второй – между ростом и качеством социальной политики.

Остановимся на механизмах, которые связывают неравенство в распределении дохода и экономический рост. В литературе выделяются следующие из них: несовершенство рынка кредитов, механизмы экономической политики, социальная нестабильность и сбережения. В условиях асимметричной информации люди с низким доходом могут пожертвовать инвестициями в человеческий капитал в пользу текущего потребления, что негативно скажется на возможностях достижения долгосрочного экономического роста. К механизмам экономической политики можно отнести влияние фискального перераспределения (богатые облагаются налогом, который перераспределяется через социальные трансферты бедным; в результате подрываются стимулы много зарабатывать, снижаются инвестиции и рост), коррупцию (лоббирование индивидами с высоким доходом своих интересов). Третий механизм – полярное неравенство приводит к недовольству бедных слоев населения существующей ситуацией и, как следствие, социальной нестабильности, которая означает опасность нарушения прав собственности и негативно сказывается на росте. Наконец некоторые экономисты кейнсианской традиции полагают, что увеличение неравенства может стимулировать рост, увеличивая среднюю склонность к сбережениям [1].

1. *Коэффициент Джини.* Уравнение, которое показывает связь между изменением коэффициента Джини и выпуском, имеет следующий вид:

$$\text{OUTP_TR} = 94.1139 - 1.6739 * \text{D_GINI}, \text{ где}$$
$$(15,03) \quad (-3,73)$$

$$R^2_{\text{adj}} = 0,42, \text{ DW} = 2,55 \text{ (19 стран)},$$

где D_GINI – изменение коэффициента Джини за период с 1988–1989 по 1993–1995 гг.

В странах, где неравенство распределения дохода значительно возросло, выпуск продукции снизился сильнее. Однако можно ли говорить о влиянии неравенства на рост или роста на неравенство?⁸ Для ответа на этот вопрос

⁸ Чем на самом деле сопровождалось увеличение неравенства, можно выяснить при помощи регрессионного анализа. Было построено уравнение, в котором зависимой переменной было изменение коэффициента Джини за 1988–1989 – 1993–1995 гг., а

временной интервал снова был разделен на два периода (спада и роста), и было проверено влияние изменения коэффициента Джини на рост в обоих интервалах. В первом связь осталась значимой, а на втором – нет. Это говорит о том, что увеличение неравенства в распределении дохода происходило параллельно снижению выпуска. И то, и другое явилось неизбежным следствием трансформационной рецессии.

То, что во второй период между неравенством и ростом не оказалось значимой связи, не означает, что для переходной экономики механизмы влияния высокого неравенства на экономический рост не действуют. Эти механизмы выделены для долгосрочного периода, а в некоторых странах с переходной экономикой еще не завершился процесс трансформационной рецессии.

2. Качество проводимой социальной политики.

Можно проверить существование в краткосрочном периоде связи между экономическим ростом и проводимой социальной политикой. Идея рассмотреть влияние социальной политики на рост с точки зрения эффективности социальной политики позаимствована у Б. Милановича [14]. Он делит страны на три группы: компенсаторов, некомпенсаторов и популистов. У первых и вторых неравенство изменилось по-разному – от большого скачка до незначительного прироста. Третьи могли себе позволить потратить деньги на недопущение прироста неравенства, так как эти деньги у них накопились благодаря достаточному эффективным структурным реформам (Польша, Венгрия и Словения).⁹

Главный недостаток этого подхода – небольшое число наблюдений (всего 14 стран). Тем не менее результаты таковы:

$$GR_CUMUL = 16,05 - 4,1912 * DUM_SOC,$$

$$(5,02) \quad (-2,045)$$

$$R^2_{adj} = 0,20, DW = 2,92 \text{ (14 стран)},$$

объясняющими – логарифмы темпов инфляции в 1993 (LCPI_93) и 1994 (LCPI_94) году. Результаты представлены ниже:

$$D_GINI = -8,2885 + 7,4958 * LCPI_93 - 4,4846 * LCPI_94$$

$$(-1,8) \quad (3,77) \quad (-2,37)$$

$$R^2_{adj} = 0,53, DW = 2,24 \text{ (19 стран)}.$$

До 1993 года инфляция между инфляцией и коэффициентом Джини не оказалось значимой связи. Это могло быть следствием того, что на данном этапе и неравенство, и цены испытывали на себе влияние трансформационной рецессии – разрушения старой системы. В 1993 году в странах, где была инфляция, происходило перераспределение дохода (например, от кредиторов к должникам). Возможное объяснение обратной связи между инфляцией и неравенством в 1994 году – выгоды от инфляции исчезли, остались только издержки – в итоге большие доходы пострадали больше, что привело к снижению неравенства.

⁹ В фиктивной переменной страны получили следующие оценки: компенсаторы, где неравенство выросло значительно – “2”, компенсаторы, которым удалось сдержать рост Джини – “0”, не-компенсаторы, где неравенство выросло значительно – “1”, не-компенсаторы, где неравенство выросло незначительно – “-1”, популисты – “-2”.

где GR_CUMUL – кумулятивные темпы прироста ВВП из точки его минимума, DUM_SOC – построенная фиктивная переменная. Т-статистика значима на 10%-й уровне, статистика DW не дает информации о наличии либо отсутствии автокорреляции.

Несмотря на то, что полученные результаты уже несколько лучше, сложно говорить о сколько-нибудь значительной обратной зависимости между социальной политикой и экономическим ростом в рассмотренном периоде. Полученные результаты говорят скорее о том, что в средне- и долгосрочном периоде плохая социальная политика может стать серьезным препятствием на пути экономического роста.

Беларусь по проводимой социальной политике относится к группе компенсаторов, в которой не произошло значительного скачка неравенства. Однако было ли это следствием эффективности проводимой социальной политики? На мой взгляд, говорить об эффективности можно только тогда, когда политика ведет к повышению уровня жизни и уменьшению числа людей, живущих за чертой бедности. По данным ЕБРР, в Беларуси в 1998 г. 23% населения проживали за чертой бедности [18]; в четвертом квартале 1999 г. 50% населения имели доход ниже прожиточного минимума. Происходило не реформирование социальной системы (в республике нет частных пенсионных фондов), а просто сдерживание скачка неравенства, которое носило временный характер: с 1995 по 1997 г. коэффициент Джини снижался, но уже в 1998 г. он вырос, достигнув 31 пункта [15]. Кроме того, как было отмечено выше, население негативно оценивает свое материальное положение и экономическую ситуацию в целом. Таким образом, в Беларуси не было заложено основ адресной социальной поддержки, и она вынуждена будет проводить реформы и в этом направлении.

3. ИСТОЧНИКИ И “ЦЕНА” БЕЛОРУССКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Беларусь с ее достаточно высокими темпами экономического роста с 1996 по 1999 г. не попадает практически ни в одну из выявленных тенденций. Этому уже было предложено возможное объяснение: созданные в Беларуси институты административной экономики были приняты многими экономическими субъектами, поскольку это означало для них определенные выгоды. Эти институты не были рыночными, поэтому не могли составить в основу долгосрочного экономического роста, что подтвердило резкое снижение темпов белорусского роста в 1999 г.

Источники экономического роста в Беларуси.

Немногочисленная отечественная литература по данной тематике выделяет несколько гипотез об источниках белорусского роста: 1) экономический рост произошел в рамках административной экономики, 2) стал возможным

благодаря проводимой монетарной политике, 3) стал результатом стараний статистиков, 4) был профинансирован Россией и 5) произошел благодаря увеличению экспорта. Кроме этого, эксперты МВФ, следуя выводам Бланшара и Кремера, выдвинули гипотезу о том, что белорусский экономический рост был достигнут благодаря возвращению к плановой экономике, которое позволило внести элементы организованности (а скорее, дисциплины) в процесс производства, частично устранив негативные эффекты дезорганизации [17].

Все эти гипотезы так или иначе опираются на предположение о том, что в Беларуси сложилась система “рентной экономики”, основанной на административных институтах.

Определенный рост был достигнут благодаря директивному доведению планов по производству продукции некоторым государственным предприятиям и возобновлению регулирования цен с третьего квартала 1996 г. К октябрю 1997 г. регулировались цены на 30–35% товаров, входящих в потребительскую корзину, к августу 1998 – 50% корзины, по которой рассчитывался ИПЦ [17]. Регулирование цен способствовало “откладыванию” инфляции, благодаря чему номинальный спрос, поддерживаемый высокой кредитной эмиссией, некоторое время был равен реальному спросу.

Вкупе с разрешением реализовывать товар по цене ниже себестоимости, это позволило увеличивать выпуск даже убыточным госпредприятиям. При этом значительная часть спроса пришлась на долю России, в которой белорусские товары хорошо продавались благодаря их низкой цене (благоприятному реальному курсу), росту российской зарплаты в долларовом выражении и отсутствии конкурентов среди российских предприятий (большинство которых просто не работали).

Тем не менее темпы роста производства оказались выше в частном секторе. Увеличение выпуска там происходило под влиянием общего подъема в экономике. Кроме того, произошла адаптация частных предприятий к тем условиям, в которых они работали. Параллельно атрибутам “экономики власти”, возникающим в результате проводимой экономической политики, экономические субъекты создавали достаточно эффективную систему институтов, которые позволяли извлекать определенную выгоду из деятельности в административной среде. Эта выгода для одних предприятий оборачивалась издержками других. Возможно, устойчивость созданных нерыночных институтов – следствие того, что выгода от деятельности в рамках этих институтов превышает издержки.

Данную гипотезу можно проверить эмпирически. Один из созданных “рентных” институтов – множественность валютных курсов. Ее количественное измерение – величина спреда между официальным и “теневым” валютным курсами. Выгоды от существования этого института – доход прибыльных предприятий, издержки убыточных предприятий в % ВВП. Согласно выд-

винутой гипотезе, увеличение спреда должно приводить как к увеличению прибыли, так и убытков. Приведем результаты регрессионного анализа:

$$D_POPE = -23.8801 + 23.6128 * D_SPR(-3),$$

(-3,24) (3,34)

$$R^2_{adj} = 0,225, DW = 1,76 \text{ (36 наблюдений)}$$

$$D_LOLE = -232.0986 + 248.4467 * D_SPR(-3),$$

(-2,09) (2,34)

$$R^2_{adj} = 0,11, DW = 1,40 \text{ (36 наблюдений)}$$

Все статистики значимы на 5% уровне.

Здесь: D_POPE – темпы прироста прибыли прибыльных предприятий, D_LOLE – темпы прироста убытков убыточных предприятий, D_SPR(-3) – темпы прироста спреда; все данные – периода с января 1997 по декабрь 1999 г. (помесячно). Гипотеза подтвердилась – с ростом спреда росла и прибыль, и убытки (t-статистика коэффициента при объясняющей переменной значима на 1%-м и 5%-м уровне соответственно).

Институт множественности курсов оказался устойчивым, поскольку за весь рассмотренный период выгоды (прибыль прибыльных предприятий) оказались выше издержек (потерь убыточных предприятий) (рис. 3).

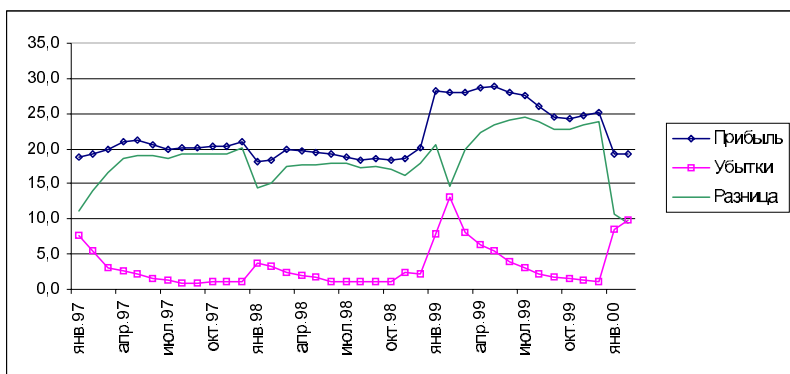

Рис. 3. Прибыль прибыльных предприятий, убытки убыточных предприятий и разница между ними (% ВВП)

Тем не менее такая ситуация характерна для краткосрочного периода, поскольку существование подобных институтов сопровождается накоплением искажений в экономике, которые можно назвать “ценой” роста.

“Цена” белорусского экономического роста.

На самом общем уровне экономической подъем, происходивший практически во всех отраслях экономики Беларуси, сопровождался такими негативными явлениями, как высокая инфляция, увеличение чистой кредиторской задолженности, снижение реальной заработной платы, увеличение спреда

между официальным и рыночным курсами. Уже указывалось, что в республике не был создан частный сектор, не проведена реформа социальной политики, не сформирована система жестких бюджетных ограничений. Все это вылилось в снижение темпов роста в 1999 г.

Перечисленные негативные явления имеют как долгосрочные, так и краткосрочные последствия для экономического роста. В долгосрочном периоде рост пострадает от высокой инфляции и низкой доли частного сектора, отражающих слабое развитие рыночных институтов. В краткосрочном периоде росту может препятствовать поиск ренты, т.е. небольшой подъем тут же будет сменяться спадом из-за того, что за каждым улучшением следует проведение экономической политики, направленной на получение максимума ренты от этого улучшения. Приведем пример: вслед за снижением спреда следуют меры монетарной экспансии; как только спред начинает превышать некое пороговое значение, темпы экспансии снижаются. То же самое касается и инфляции – за ростом инфляции следуют меры, направленные на ее сдерживание; если инфляция низкая, допускается рост денежной массы.

Можно проверить эмпирически влияние на темпы экономического роста института множественности курсов, который стал основным фактором искажений, имевших негативные последствия для экономического роста.

В качестве зависимой переменной рассматривались темпы прироста реального ВВП, а в качестве объясняющей – темпы прироста спреда¹⁰.

Уравнение регрессии имеет вид:

$$D_GDP_RSA = 0.7596 - 0.1211 * D_SPR,$$

(1,23) (-2,82)

$$R^2_{adj} = 0,10, DW = 1,91 \text{ (62 наблюдения).}$$

Здесь: D_GDP_RSA – темпы прироста сезонно сглаженного реального ВВП, D_SPR – темпы прироста спреда.

Между переменными существует обратная связь¹¹, т.е. увеличение спреда сопровождается снижением темпов прироста ВВП – проводимая экономическая политика не только вносит многочисленные искажения, которые могут негативно повлиять на долгосрочный рост, но и снижает темпы экономического роста в коротком периоде.

¹⁰ Номинальный ВВП был продефлирован при помощи ИПЦ (помесячно), затем было сделано его сезонное сглаживание (по мультипликативному методу – отношение значения, принимаемого переменной, к ее скользящей средней), затем – рассчитаны темпы прироста (% в месяц). Значение спреда было получено делением безразличного рыночного курса на курс Национального банка, по которому осуществляется обязательная продажа валютных поступлений субъектами хозяйствования, темпы его прироста – % в месяц.

¹¹ Тест на каузальность не позволяет отклонить гипотезу об обусловленности (по Грэнджеру) ВВП спредом (с лагом 2 месяца).

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Производственные возможности, а значит, экономический рост, в любой стране ограничены уровнем технологического прогресса. Однако различия в пределах производственных возможностей объясняют только небольшую долю межгосударственных различий в показателях экономического роста. Одна из возможных причин, по которым разные страны имеют различный уровень доходов и разные темпы роста, состоит в том, что в одних странах экономическая политика и созданная институциональная среда способствуют достижению потенциальных возможностей экономики, а в других – не позволяют этого сделать. Вторая причина заключается в том, что не все страны, которые сумели создать среду, благоприятствующую достижению границы производственных возможностей, смогли создать условия для того, чтобы “сдвинуть” ее дальше.

Успех трансформации зависит от того, насколько созидательным было разрушение старой системы. Созидание, в свою очередь, может считаться успешным тогда, когда уже созданные институты не вступят в противоречие с институтами, которые еще появятся, или если новые, более эффективные институты, будут приняты экономическими субъектами и вытеснят старые (такой вариант сам по себе есть созидательное разрушение). Критерий успеха трансформации – не приближение к границе производственных возможностей, а создание возможностей для ее расширения.

Выделенные в результате проведенного анализа факторы экономического роста в странах с переходной экономикой – макроэкономическая стабилизация, структурные реформы, направленные на создание устойчивых рыночных институтов и достижение социальной стабильности через проводимую социальную политику – относятся к факторам, которые позволяют экономике достичь своего потенциала. Макроэкономическая и социальная политика подготавливают среду, в которой создаваемые структурными реформами рыночные институты будут устойчивыми. Устойчивость созданных институтов – достаточное условие для приближения к производственным возможностям экономики и необходимое, но не достаточное условие их расширения.

История переходного периода эмпирически подтвердила верность двух тезисов. Во-первых, трансформация экономики “от плана к рынку” неизбежна (это “подтвердили” Албания, Узбекистан, Румыния и Македония). Во-вторых, переход к долгосрочному экономическому росту возможен только в условиях функционирования устойчивых институтов рыночной экономики (это доказала Польша). Беларуси еще предстоит “доказать” эти два тезиса. Во-первых, ни один из источников экономического подъема 1996–1998 гг. не может лечь в основу долгосрочного роста. Во-вторых, цена белорусского роста очень высока – в то время, как большинство стран создает рыночную экономику с целью устранения негативного влияния искажений, внесенных старой

системой, Беларусь продолжает поддерживать систему, в которой эти искажения накапливаются. Однако чем дальше страна отклоняется от общей тенденции, тем сильнее она стремится вернуться к ней, и Беларусь – не исключение. Макроэкономическая стабилизация 1994–1995 гг. подготовила почву для экономического роста на основе действия рыночного механизма. Но белорусские экономические власти пошли по пути создания экономики, где главная цель ее субъектов – получение не прибыли, а ренты, т.е. не создание, а перераспределение “пирога”. Это позволило достигнуть краткосрочного подъема без устранения некоторых негативных явлений, которые в рыночной экономике привели бы к коллапсу.

Созданные в Беларуси институты рентной экономики оказались устойчивыми, потому что для большей части экономических субъектов выгоды от их существования оказалось выше издержек. Но устойчивость таких институтов ограничена, поскольку они могут приносить выгоду, пока не закончится предел “пирога”. После исчерпания возможностей извлечения ренты экономика будет вынуждена вернуться к процессу реформирования, отстав при этом от тех стран, которые уже прошли этап становления основных институтов рынка.

Устойчивые рыночные институты важны постольку, поскольку задействуют потенциал, заложенный в экономике – человеческий и физический капиталы. Однако прогнозы перспектив экономического роста в странах с переходной экономикой на основании данных по обеспеченности экономики человеческим или физическим капиталом возможны только на основе предположения, что институциональная среда полностью соответствует конкурентной рыночной среде развитых стран. Согласно гипотезе конвергенции стран с разными уровнями доходов, страны с переходной экономикой должны догнать развитые страны. Однако даже при допущении развитости институциональной среды уровень дохода трансформирующихся экономик догонит наименьшие доходы стран-участниц ЕС только через 19 (Чехия) – 59 (Албания) лет [11]. Но развитая институциональная среда создана только в Польше, которая в результате обеспечила по-прежнему высокие темпы роста, тогда как другие страны столкнулись с их резким снижением.

Сейчас, через десять лет трансформации, большинство стран все еще находится в поисках направления дальнейшего развития. А искать ответ на этот вопрос стоит скорее философии, нежели в экономической науке.

Литература

1. Barro, R.J. *Inequality, Growth and Investment* // NBER Working Paper W7038, 1999.
2. Blanchard O., Kremer M. *Disorganization* // The Quarterly Journal of Economics. Nov. 1998. Vol. 112.

3. Braumann B. *Real Effects of High Inflation* // IMF Working paper WP/00/85.
4. Bruno M., Easterly W. *Inflation Crisis and Long-Run Growth* // Journal of Monetary Economics 41 (1998) 3-26.
5. Deininger and Squire *A New Data Set for Measuring Income Inequality*. / The World Bank Economic Review 10, September 1996.
6. *Deininger and Squire Data Set* // <http://www.worldbank.org/research/growth/dddeisqu.htm>.
7. Easterly W. *The Quest for Growth* // <http://www.worldbank.org/research/growth/notes1.html>.
8. *Enterprise Performance and Growth* // EBRD Transition Report, 1997.
9. Fisher S., Gelb A. *The Process of Socialist Economic Transformation*. // Journal of Economic Perspectives. 1 September 1991. Vol. 5.
10. Fisher S., Sahay R. *Transition economies after ten years* // IMF Working paper WP/00/30.
11. Fisher S., Sahay R. Vegh C. *From Transition to Market: Evidence and Growth Prospects* // IMF Working paper WP/98/52.
12. Gylfason T., Herbertson T.T. *Does inflation Matter Growth?* // University of Iceland. 11 Aug. 1999.
13. Havrylyshyn O., Ivailo Izvorski, and Ron van Rooden *Recovery and Growth During the Transition Economy* // IMF Working paper WP/98/141.
14. Milanovic B. *Income, Inequality, and Poverty during The Transition From Planned to Market Economy* // The World Bank. Washington, D.C. 1997.
15. *Income Distribution Statistics in Transition Countries: 1995 onward*. // <http://www.worldbank.org/research/transition/heididata/Ydata.xls>.
16. Olson M. *Distinguished Lecture On Economics In Government* // Journal of Economic Perspectives. 1996 Vol. 10. №2.
17. *Republic of Belarus: Recent Economic Development*. / IMF Staff Country Report No. 99/143, Nov. 1999.
18. *Ten Years of Transition* // EBRD Transition Report, 1999.
19. Солоу Р. *Перспективы теории роста* // Мировая экономика и международные отношения. 1996. №8.
20. Хайек Ф. *Конкуренция как процедура открытия*. // Мировая экономика и международные отношения. 1989. № 12.
21. Хайек Ф. *Частные деньги* // Институт национальной модели экономики. 1996.
22. Чепиков М.Ю., Чепикова Е.М. *Теория и политика экономического роста: Очерки политической экономии (Очерк 6.)*. Мн.: БГУ, 1999.